

177. [Чудесная птица].

Жилъ купецъ, богатой, пребогатой. Отправился онъ на охоту, три дня пробродилъ, ничего не убилъ. „Пойду съ горя жену прибую“. Выходить на край лѣсу, сидитъ диковинная птица. Онъ хотѣлъ ее убить, а она: „не бей меня, возьми живьемъ, я тебѣ пригожусь: если кто мою голову съѣстъ, тотъ будетъ царемъ; кто крылья съѣстъ, тотъ будетъ свѣтлѣйшимъ княземъ“. Купецъ съ радостью ее взялъ, принесъ домой, забылъ трехдневное горе и усталость, посадилъ въ клѣтку, давай за ней ухаживать. Черезъ нѣкоторое время поѣхалъ на корабляхъ съ товаромъ за границу, женѣ наказалъ: „если будѣтъ пожаръ, первымъ деломъ старайся спасти Божье милосердіе и птицу, остальное все будетъ при насъ“. Черезъ нѣкоторое время жена попросила себѣ отъ скуки отца дьякона въ гости, приготовила самоварчикъ и графинчикъ, сама давай за нимъ ухаживать.—„Полно хлопотать, садись!“ — „Какъ же не хлопотать, о. дьяконъ, мужъ наказалъ, отъ грѣшнаго случая икону и птицу спасать“.—„Что за чудо? Дай я посмотрю“. Посмотрѣлъ, тоже прочиталъ означенныя слова.—„А что, вы меня любите попрежнему, началъ спрашивать дьяконъ, если такъ, то зажарьте птицу“. Она говоритъ: „никакъ не могу“.—„Если не можете, то я, значить, вамъ и не другъ“. Три дня думала она отъ мужа это дѣло сдѣлать, наконецъ согласилась птицу для дьякона зажарить, велѣла повару; двое дѣтей у нея училось въ сельскомъ училищѣ, пришли: „мамаша, кушать хотимъ“. Она спросила, какой имъ задали урокъ. Они рассказали, что задано. „Дѣточки, мнѣ некогда, ступайте къ повару, онъ дастъ вамъ кушать“. Они не застали повара въ кухнѣ; по дѣтской глупости, увидали жа-

реную птицу, разорвали пополамъ и съѣли, ушли гулять. Позвала она дьякона въ гости. „А что, птицу изготовили для меня?“ — „Готова. Горничная, вели подавать“. Поваръ хватъ, похватъ—птицы нѣту. „Какъ ты смѣлъ! куда же дѣлась?“ — „Сударыня, безъ меня дѣти ваши скушали“. — „Ахъ они проклятые“. Мать волосы драла на себѣ. „Если вы за такую дерзость ихъ не накажете, то я васъ любить не буду“. — „Что же вы мнѣ прикажете дѣлать съ этимъ?“ — „У одного вели отрѣзать руки, а у другаго вели ожарить голову“. — „Какъ это можно, о. дьяконъ?“ — „Очень просто“. Затѣмъ посылаетъ повара за дѣтьми въ училище: „попроси дѣтей у учителя, что отецъ прислалъ письмо изъ-за границы, дабы мнѣ прочитать, а я выслушала“. Поваръ приводитъ ихъ на кухню и натачиваетъ ножикъ, а самъ плачетъ. „Поваръ, объ чемъ ты плачешь, что у насъ случилось?“ — „Да мать велѣла васъ зарѣзать обоихъ“. — „Дядинька родимой, отпусти насъ“. — „Дѣлать нечего, ребята, ступайте въ садъ и въ заднюю калитку, я васъ выпровожу, болѣе въ городѣ не показывайтесь, идите, куда глаза глядятъ, а то мнѣ и вамъ бѣда будетъ“. Проводя, поваръ снялъ съ цѣпи дворовую собаку, освѣжевалъ, какъ человѣчью голову и двѣ переднія лапы изрубилъ по частно и ожарилъ. Доноситъ хозяйкѣ, что жаркое готово. „О. дьяконъ, я не могу быть при этомъ“. — „Дѣло ваше“. Дьяконъ нѣсколько разъ закусилъ и сказалъ: „выбросьте собакамъ“. Дѣти съ плачемъ пустились бѣжать, сами не знаютъ куды. Бѣгли полями и лѣсами, нѣсколько днѣй перебѣжали, нѣсколько разъ случалось въ лѣсу ночевать. Наконецъ въ ночное время добрались до огня, пошли на огонь и много увидели огней. Это была столица, наподобіе Москвы. Тутъ они пристали въ ветхую лачужку, попросились ночевать у старика со старухой. „Откуда, дѣтушки, идѣте, куды путь держите?“ — „Бабушка, убѣгли мы отъ матери, хотѣла насъ зарѣзать въ удовольствіе своему любовнику-дьякону“. — „Боже мой, вотъ какія матери есть“. Напоили, накормили и спать уложили. Утромъ старуха спрашиваетъ: „куда же вы, дѣтушки, пойдете?“ — „Да и сами не знаемъ, куды идти“. — „А что, старикъ, возьмемъ мы этихъ дѣтей себѣ, подъ старость хоть испытъ подадутъ, а можетъ быть, и кормильцы будутъ“. — „Да-къ что, старуха, давай не-то оставимъ“.

Поживши нѣсколько лѣтъ, не случилось въ той столицѣ царской фамиліи. Избирали въ цари такъ: проѣзжали всѣ чины въ ворота, тутъ передъ иконою стояла свѣчка; уговоръ былъ такой: надъ кѣмъ свѣчка затеплится, тому быть царемъ, а пропускали поодиночкѣ. Имъ было тогда одному лѣтъ 17, а другому 16. „Подите, дѣтушки, что тамъ такое, посмотрите и скажите, кого выберутъ въ цари“. Собрано многое множество народу; шли по порядку графы, и министры, и генералы, затѣмъ купцы, и мѣщане, и вся чернядь. Дошла очередь и до нихъ; старшій пошелъ, во время это затеплилась свѣчка. „Остановить его!“ . Эту свѣчку сняли съ огнемъ, поставили другую, второй разъ велѣли идти, свѣча во второй разъ засвѣтилась. Всѣ провозгласили: „Богъ показалъ намъ Царя! Кто ваши родные?“ Указали на старика и старуху. Меньшой братъ съ обидчивостью говоритъ: „братъ, прощай!“.— „Что же ты меня хошь оставить, не хошь раздѣлить со мною моего счастія“. — „Прощай да и все“. Затѣмъ скрылся, а братъ его сдѣлался царемъ.

Меньшой братъ пошелъ на произволь судьбы, куда глаза глядятъ. Зашелъ въ лѣсъ и заблудился, напалъ на троихъ разбойниковъ. Дѣлили они краденое добро и межъ себя спорили. Всѣмъ нравилось всё одно. „Что спорите, добрые люди“, подошелъ онъ.— „Да вотъ нажили добро, не знаемъ, какъ поровну раздѣлить“. — „Ахъ, господа, сдѣлайте вы себѣ лукъ, еще три стрѣлы по числу васъ троихъ, которая вамъ вещь нравится, стрѣляйте въ этотъ предметъ: кто попадетъ, тому достанется коверъ-самолетъ, а ниже его попадетъ, боченочекъ разводной, а выше этаго предмета попадетъ, кошелекъ-самотрясъ“. — „Ахъ, малый говоритъ правду, давай, ребята, сдѣлаемъ такъ“. Бросились отъ вещей: кто стрѣлу дѣлать, кто лукъ. Въ это время онъ обобралъ эти вещи, потому что они были невелики, и убѣжалъ. Они его догнать не могли, потому что былъ лѣсъ, роса опала. Въ концѣ концовъ пришелъ онъ въ столицу. Правительница была принцесса. Онъ вздумалъ наняться въ кучера. Парень онъ былъ молодой, красивый, она его приняла за красоту, за ловкость въ кучера. Вздумалъ онъ кучеровъ попотчивать, т. е. сдѣлать литки при поступленіи на должность: „Извольте, я васъ угощу“. А тѣ и рады. Недолго думая, взялъ свой боченочекъ, повернулъ, яви-

лись двѣнадцать молодцовъ. „Что вамъ угодно, Иванъ, купеческій сынъ?“—„Заморскихъ винъ и разныхъ закусокъ“—„Извольте, всё готово, а музыку прикажете?“—„Какже!“ Услышала принцесса разный шумъ, что такое значитъ? Молодой кучеръ угощенье дѣлаетъ. Это что за новости! Позвать его сюды: „какъ ты смѣлъ это дѣлать?“ Онъ сказалъ: „извините“. Недолго думая, разослалъ свой коверъ, посадилъ ее на коверъ и былъ таковъ. Долгое время лежали на коврѣ, наконецъ она попросила кушать. „Что-жъ, можно, за этимъ дѣло не станеть“. Приказалъ коври середѣ лѣса спуститься, сѣли на траву, взялъ боченочекъ повернулъ, опять явились двѣнадцать молодцовъ: „что угодно, Иванъ, купеческій сынъ?“—„Обѣдать хочу, на двѣ персоны“. Опять разныхъ винъ и закусокъ всего вдоволь.—„Музыку прикажете?“—„Не надо“. Тутъ онъ съ радости напился до-пьяна. Принцесса остереглась, сдѣлала только видъ, что она пьетъ. Когда онъ заснулъ, она обобрала его три завѣтныя вещи и воротилась на коврѣ въ свое отечество. Онъ просыпается: ни вещей нѣтъ, ни принцессы, и не зная гдѣ, середѣ лѣсу темнаго, долго блуждалъ. Наконецъ, ѣсть захотѣлъ. Замѣтилъ онъ плоды, подобіе орѣховъ-кремней, сталъ ихъ ѣсть и сдѣлался старикомъ; потомъ плоды въ родѣ кокосу, тѣхъ наѣлся—сдѣлался деревомъ, ноги его стали уходить въ землю, не могъ идти, изъ него пошли сучья расти. Стоитъ и плачетъ: „вотъ такъ попался!“ На его счастье прилетаютъ два голубя и говорятъ межъ себя: „по неопытности страдаетъ молодой человѣкъ, если-бы онъ при попутномъ вѣтрѣ могъ достать тѣхъ плодовъ, которые называются кремни-орѣхи, онъ бы былъ старикомъ, все бы ему лучше“. Онъ такъ и сдѣлалъ, сучья его опустились, и онъ изъ земли освободился, сдѣлался дряхлымъ старикомъ. Прилетаютъ два голубя и говорятъ: „есть тутъ ягоды, подобіе вишни, если бы онъ поѣлъ этихъ ягодъ, онъ бы сдѣлался молодымъ попрежнему, даже красивѣе. Да, какія здѣсь странныя деревья. А то есть дерево, взявши корень его, охлыснуть человѣка имъ и сказать: „будь звѣрь“, будетъ звѣремъ“. Тогда онъ досталъ этихъ ягодъ, поѣлъ и сдѣлался красавцемъ, молодымъ человекомъ. Набралъ этихъ всѣхъ вещей и съ трудомъ могъ выбраться изъ лѣсу. По счастію его, попалъ въ эту-же сто-

лицу. Тогда онъ забрался въ царскій садъ, въ завѣтный колодецъ пустилъ нѣсколько ягодинокъ. Попадаются эти ягоды дѣвкѣ-чернавкѣ. Она, польстившись, ихъ съѣла, сдѣлалась неописанной красавицей. Гуляя, принцесса, по саду, спросила ее: „чья ты, голубушка?“ — „Я ваша вѣрная прислуга дѣвка-чернавка“. — „Какъ это я васъ не могу признать?“ — „Виновата, я съѣла нѣсколько ягодинокъ, которыя попались въ колодецъ“. — „Ахъ, голубушка, поищи, нѣтъ-ли еще“. — „Кромѣ орѣховъ ничего не нашла, только плаваютъ они одинѣ“. — „Давай ихъ сюда“. Она съѣла съ жадностью и сдѣлалась старою и малоумною. Тутъ не знали, что съ ней дѣлать. Начали ее лѣчить, но лекарства никакія не помогали. День ото дня все хуже. Тогда Иванъ, купеческій сынъ, назвался докторомъ. — „Я могу, говорить, вылѣчить за три завѣтныя у ней вещи; она ихъ сама знаетъ“. Министры предложили, что ему угодно за леченіе. Тогда онъ далъ ей съѣсть нѣсколько ягодинокъ. Она сдѣлалась лучше прежняго, молодою красавицей и стала вполне здорова. Тогда всѣ начали его благодарить и какой хотите награды? — „Есть у ней три завѣтныя вещи: коверъ-самолетъ, боченокъ разводной и кошелекъ-самотрясъ“. — „Съ чего ты это взялъ? такихъ вещей у меня совсѣмъ нѣтъ“. Тогда онъ видитъ себя осмѣяннымъ, взялъ корень, который взять былъ отъ дерева, ударилъ имъ принцессу и промолвилъ: „была царь-дѣвица, а теперь будь пѣгая кобылица, а вы были сенаторы-молодцы, будьте воронье жеребцы“. Запрягъ кобылу въ корневые санки, а вороныхъ жеребцовъ на арканъ и затѣмъ уѣхалъ къ брату въ столицу, началъ тамъ хвастовать коннымъ заводомъ. Его спросили: „кто вы такіе, имѣете ли видъ?“ — „А вамъ какое дѣло“. Нѣкоторыхъ жеребцовъ продалъ, а нѣкоторыхъ у него такъ взяли. Его предали суду, отправили въ острогъ. Первые дни, сидя въ острогѣ, напоилъ всѣхъ арестантовъ пьяными. Весь караулъ отдалъ невинно подъ арестъ. На другой день арестантовъ выпустилъ на коврѣ-самолетѣ, остался одинъ. Подозрѣніе пало на него, что онъ выпустилъ. Тогда объ этомъ преступникѣ донесли царю. Царь осудилъ его на смертную казнь. Царь захотѣлъ видѣть лично преступника, сказалъ ему: „какъ ты смѣлъ учинить оголовное преступленіе, ты повиненъ смертному суду“. — „А забылъ, какъ

ты самъ былъ повиненъ смертному суду?“ — „Какому?“ — „А не дожидаясь о. дьякона, птицу скупалъ“. — „Да какъ тебя звать?“ — „Иванъ, купецкой сынъ“. — „Голубчикъ, Ваня! итъ ты мнѣ братъ, кто тебя довелъ до такого положенія?“ — „Ваше правительство отняли у меня жеребцовъ и кобылу“. — „Такъ это всё? Вамъ возвратятъ“. — „Я хочу, чтобы мое сейчасъ было при мнѣ“. Всё было доставлено. Сѣли въ корневые санки и поѣхали во дворецъ. Царь приглашаетъ, пожалуйста! Тогда беретъ корень. „А что, впередъ будешь“, говоритъ пѣгой кобылѣ. Лошадь ничего не отвѣчала, только падали у ней слезы раскаянія. Взялъ корень, охлыснулъ и сказалъ: „была пѣгая кобылица, будь постарому царь-дѣвица, а вы, воронные жеребцы, будьте постарому сенаторы и генералы-молодцы“. — „Что ты, братъ, боишься ли Бога, на комъ ты ѣдишь, на людяхъ“. — „Они сами до того довели, пожалуйста дайте мнѣ помѣщеніе“. — „Прошу покорно!“ Тогда онъ женился на царь-дѣвицѣ, сдѣлался великимъ княземъ. — „А отцу давали вы знать?“ — „Нѣтъ, во время твоего отсутствія я самъ боялся за твою жизнь“. Дали отцу знать, донесли на свою мать за ея злой поступокъ, приговорили ее въ заточеніе, а они остались жить.

Калязинскій у. 1886 г.

178. [Хитрая жена].

Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ до старости лѣтъ въ бѣдности, имѣя бѣдность и одно (такъ) сына, сталъ предъ смертнымъ концомъ благословлять его. „Благословляю тебя, сынъ мой, чтобы ты жилъ справедливо, какъ отецъ твой; хотъ живи бѣдно, но чужаго ничего не бери и не задерживай“. Затѣмъ померъ. Сынъ его, молодой человѣкъ, послѣ отца вздумалъ жениться. По волѣ родительницы матери послали сваху къ невѣстѣ. Имъ дали отказъ; они въ другое, третье мѣсто—тоже отказъ; они послали къ богатымъ и бѣднымъ—вездѣ всё отказъ. Тогда говоритъ сынъ матери: „если ты настаиваешь женить меня, пойду я самъ искать себѣ невѣсту“. Долгое время искалъ и странствовалъ, исходилъ много мѣстностей, наконецъ обночалъ и въ лѣсу,